

ПРОЛОГ

Однажды задумался я над вопросом – кто же были мои предки? Оказалось, что я о них ничего не знаю. Даже о своих родителях мало знаю. Дед по линии отца – Семён Ефграфович Ширяев – был уважаемым человеком в деревне Малое Доскино. Имел дом под железной крышей, а это было показателем благополучия. Однако дед не занимался крестьянским ремеслом, а работал на Сормовском судостроительном заводе медником-жестянщиком. Но раз Ефграфович, значит прадед Ефграф Ширяев. Вот всё, что мне известно. О бабушке: занималась хозяйством, домашними делами (корова, свиньи, овцы, куры и огород). Про деда по материнской линии познания, можно сказать, нулевые. Знаю, что звали Александром, по фамилии Евлампиев, учительствовал в Вятских Полянах, пел в церковном хоре. Бабушка Надежда, сколько я помню, жила сначала с нами, а потом с Ольгой (второй дочерью). Ни одного деда я и не видел, т.к. умерли они раньше, чем я родился.

О собственных родителях познания тоже не так уж велики. Пока мать была жива, всё собирались записать её повествования, да так и прособирались, а теперь уже поздно. Отец – Ширяев Иван Семёнович, родился в 1898 году и, как появилась возможность, из деревни тоже ушёл в город, работал писарем у Нобеля (был такой нефтепромышленник).

В Первую мировую служил вольноопределяющимся, затем – в ЧК, в милиции, председателем исполкома на Бору (это на левом берегу Волги, можно сказать, пригород Нижнего). Наверное, пошёл бы высоко, но водка подвела. Из партии исключили, с работы сняли, и стал рядовым служащим – начальником планового отдела в конторе. Дядя Лёня (мамин брат) по этому поводу говорил, что, мол, иногда всё, что ни делается, – всё к лучшему, если бы не случилось этого, то в 37-м году наверняка бы забрали без права переписки. Участвовал в Отечественной войне. Умер в 1957 году, не дожив до пенсии. А вот мать, Вера Александровна, – у нас долгожитель. Она дожила ровно до 95 лет. Умерла 30 июля 1998 года, в день рождения, прожив нелёгкую жизнь, взять хотя бы отцовскую драму.

Мои родители. Детство

Я родился в 1926 году, декабря 26 дня, в городе Нижний Новгород (а не в Горьком, как он стал называться с 1932 года), в роддоме на ул. Фигнер (не помню, как она называлась раньше), где ровно через 24 года и 363 дня родился Саша.

Мама всегда возмущалась, почему переименовали город, ведь А. М. Горький там даже и не родился. А вот переименован он в связи с 40-летием литературной деятельности, т. е. в 1932 году. В то время такое переименование шло повально, как, впрочем, и после развала СССР.

Жили родители мои на ул. Мистровской. Когда мне было два года (как сейчас помню, если помню), переехали на Гражданскую улицу (так раньше называлась ул. Белинского). Дом был поповский. Дом так себе. Дом как дом, все удовольствия во дворе, вода в колонке, а вот сад при нём был шикарней, с большим набором фруктовых деревьев и кустарников.

Жизнь протекала, как у всех мальчишек того времени, в уличных играх и забавах. Были в наше время такие игры, как чиж, попагоняла, прятки, лапта, городки, козлы и другие живые игры, так что по подъездам нам было некогда сидеть, да в старых домах их и не было.

В малолетстве пытались меня подключить к детскому саду, но не прижился я там, и забрали меня обратно. Вскоре приехала бабка Надежда (мамина мать) с двумя козами – у матери болели лёгкие, и ей нужно было козье молоко.

На лето нас списывали в деревню – на отцовскую родину. Это в 20 км от города. Начиналось всё с путешествия на пароходике – другого пути не было. Перед этим отец заходил в пропахший колбасой магазин, покупал колбасу, ну и, наверное, бутылку. В деревне ведь жил его младший брат.

Летняя жизнь запомнилась осваиванием деревенской премудрости. С утра шли на колхозный двор, где главное было – попасть к делу с лошадьми. Доверяли нам, мальчишкам, возить песок с Оки, а дядька Лёня иногда давал поработать на конной косилке или граблях. До сих пор помню, как запрягать лошадей, и всю их утварь.

Ещё до школы дядя Федя (это муж маминой сестры Ольги, погиб в войну под Ленинградом) приучил к настоящим, а не дворовым лыжам. Вот с тех пор это пристрастие и сохранилось, несмотря на пять лет, проведённых в Баку. Да и в Полярном за десять лет ходил всего несколько раз. Зато в Североморске я это компенсировал, где приучил и Сашку, а вот Алексея не удалось.

В школьные годы появились и товарищи: Юрка Сорокин и Генка Созонтов. Генка, правда, был больше домашний, а вот с Юркой было интересней. С ним на лыжах мы облазили все овраги и леса вблизи города. Однажды, не заметив как, забрели на стрельбище и поняли только тогда, когда зашвистели пули. Теперь этих мест не узнать – застроены микрорайонами. У Юрки всегда возникали идеи, как то: морские бои с самодельными кораблями зимой дома, а летом на пруду в оврагах. Там мы весной катались на льдинах и, естественно, проваливались, а затем обсыхали у костра. И кто знал, что это увлечение растянется на долгие сорок лет службы в Военно-морском флоте. Вначале мать спрашивала, а не лучше ли было быть инженером, но что я мог ответить, когда другой жизни не знал.

Летом частенько пропадали на Волге на песках и плотях. Там тоже всякое бывало. В овощной, если можно так сказать, сезон паслись на пристанях, куда приводили баржи с Нижней Волги с арбузами, огурцами и прочими овощами. Кое-что перепало и нам. Нет, не потому, что было голодно, а просто интересно, так же как, например, угадывать по гудкам названия пароходов. А ещё из области хулиганства – это стащить вилок капусты у тётки, идущей на базар. Это делалось так: мы сидим на заборе с заточкой, тётка на коромысле тащит две корзины, одна, естественно, сзади, и мы этой заточкой накальваем вилок и вынимаем, а тётка идёт дальше и даже не представляет, что ей стало легче. В общем, была относительная свобода, ведь родители были на работе, а у Нины (сестры) были свои интересы. Короче – настоящее счастливое детство, и бывает оно однажды. В чём его смысл – не знаю. Наверное, в отсутствии житейских забот.

Наступил 1941 год, год окончания 7-го класса, и естественно, мы втроем подались в военно-морскую спецшколу. Мать вроде возражала – ей больше инженеры нравились, а отец сказал, что раз хочет, пусть идёт. Однако получилось всё не так радужно – 22 июня началась война.

Война

Сообщение это по радио прозвучало днём 22 июня – выступил тогдашний министр иностранных дел В. М. Молотов. Как сейчас помню, мы в это время сажали помидоры. В начале все думали, что это не надолго, каких-нибудь несколько месяцев – ведь «Красная Армия всех сильнее» и, как обещал Клим Ворошилов – нарком обороны, врага будем бить на его территории. Война в Польше и с финнами (о ней, правда, мало кто знал истину в то время) вроде бы это подтвердила.

Но это были иллюзии, как продукт пропаганды по средствам информации и кинофильмам «Три танкиста», «Парень из нашего города».

Миф этот рассеялся после выступления Сталина по радио 3 июля 1941 года с обращением к советскому народу и падением Минска и Смоленска. Вместо нескольких месяцев война длилась 1410 дней.

Отец прошёл почти всю войну (с января 1942-го) до Вены, а мамин брат Лёня, Польскую, Финскую и Отечественную, и все вернулись.

К началу учебного года здание (в нём после войны разместился университет) заняли под госпиталь, а нам отдали здание одной школы в районе автозавода. Приходилось ездить тремя трамваями с пересадкой. Транспорт ходил плохо. Однажды, не дождавшись трамвая (9-й номер) и уже не успевающая в школу, мы с Юрккой (Генка от нас откололся – медицина забраковала) решили вернуться домой. Вышли на площадь Горького, и тут над крышами вынырнул «юнкерс» и пошёл поливать из пулемётов. К счастью, всё обошлось.

Однажды ночью проснулись, мягко сказано, от сильного взрыва и звона вылетающих стёкол, это прошёлся над нами «юнкерс». И так как ему не удалось сбросить бомбы на цель, то он решил просто освободиться от груза. Бомбы, а их было несколько, упали буквально в нескольких сотнях метров от нашего дома. Мать (отец к этому времени был мобилизован) увела нас в щель (это такое якобы бомбоубежище, вырытое жильцами в саду), но самолёт уже улетел. С рассветом пошли смотреть. Страшная картина – на деревьях повисла домашняя утварь, дома нет и только обгорелые трупы. Подобные картины приходилось видеть и ещё, но первое впечатление – ужасное. Когда показывают в фильмах ужасы бомбёжек, это действительно так.

При очередной бомбёжке на заводе, что на Мызе, погиб двоюродный брат Николай. После этого, не помню как, но я перестал ездить в школу, да и прикрыли её на какой-то период, так что судьба могла сложиться и иначе. Всё-таки школа выжила и была переведена на Гребешок (район города) в здание военно-воздушной спецшколы. Время было уже зимнее. Сидели в шинелях, чернила замёрзшие, учились через день по девять уроков.

Но вот наступило лето, и отправились мы в лагеря на Волге. Жили в полуземлянках, т.е. половина в земле, а сверху крыша, которая от дождя не очень спасала. Занимались там общевоинской подготовкой и морпрактикой. Всё ничего, но считай все прихватили малярию, не проскочил и я.

Время было тяжёлое – описать его трудно. Чтобы понять – нужно пережить, хотя, не дай бог, как говорится. Мать ездила по деревням (понятие это не современное), как и многие другие, меняла вещи на картошку, муку и другое съестное. Я ездил на велосипеде за картошкой на Бор. Нужно было переправиться на пароме через Волгу, а там ещё пять километров до поля, накопать мешок картошки и обратно, но если туда было под гору, то обратно, естественно, в гору, а мне в ту пору было всего пятнадцать лет.

Чтобы не думать о еде, мы ходили в оперный театр. Он же был рядом. Билет на галёрку стоил три рубля, а буханка хлеба под сто. Мы брали билеты за три рубля, а сами в ложу, за кресла. Зимой же раздевались у приятеля (он жил совсем рядом, хотя и мы тоже близко) и как бы выходили покурить. Потом спокойно заходили вовнутрь – и в ложу. Надо сказать, что билеты на транспорт, кино, театр не повышались. За это время я прослушал весь репертуар по нескольку раз, и не только опер, но и оперетт.

Был у меня уличный приятель – Игорь Веденский, и однажды на очередном просветительском мероприятии мы познакомились с девочками. Это были Наталья Шпажникова, ныне Касаткина – заслуженный педагог РСФСР, и Нина Разумовская. Впоследствии эта компания разрослась, и мы вместе проводили время.

Была с Игорем у нас ещё одна страсть – велосипед. Однажды мы втроём решили прокатиться – один в седле, второй на багажнике, а третий на руле, но на бульжной мостовой наш «Боливар» не выдержал и развалился.

Так мы и жили, а в 1943 году, долго гадая, что с нами, спецшкольниками, делать, всё же решили сдать в подготовку при каком-либо училище либо, что и сделали, – организовать самостоятельное училище. Проходили медкомиссию, и вот тут малярия дала себя знать. Прошли не все, а мне повезло – проскочил. Училище решили создать в Баку.

В июле, числа не помню, на п/х «Спартак» поплыли мы вниз по Матушке по Волге. Под Сталинградом (Волгоград ныне) налетели на минное поле – капитан шёл первый раз и обстановки не знал, но всё кончилось хорошо. Бои в Сталинграде завершились в феврале, а мы были в июле, но казалось, что бои кончились только вчера: мины, снаряды, гранаты, холодное оружие, мундиры, ордена, днев-

ники и письма, фотографии – всё, что осталось от немцев, а в подвалах даже трупы. Нам же было всё интересно, ну и набрали всякой всячины, особенно гранат. Пересадили нас в Сталинграде на т/х «Академик Карпинский», и, когда поплыли дальше, началось гранатометание (рыбы, наверное, поглотили изрядно). Так мы дошли до Астрахани, где примерно неделю ждали, на чём нам идти до Баку. Из всей этой части путешествия по Волге запомнились города Сталинград, Камышин и Астрахань своей дешёвой копчёной рыбой и знаменитой в ту пору селёдкой – «залом».

Настал день, и мы погрузились на танкер «Баксовет». Кто примерно знает, что такое танкер, может представить, как на нём идти – помещения только для команды, мы на верхней палубе под палящим солнцем. С продуктами было плохо, и кормили нас хлебом и селёдкой, после которой, все, очевидно, знают, хочется пить, но на танкере запасы пресной воды ограничены и не рассчитаны на пассажиров. Вот потому мы устроили так называемый «селёдочный бунт», который, правда, разрешился мирным путём.

Мы впервые в настоящем, хоть и закрытом, море. Странное началось с самого начала плавания. Вроде уже и берегов не видно, а в нескольких сотнях метров рыбаки ходят всего по колено в воде. Слышал я раньше из уроков географии, что есть такой 12-футовый рейд, где перегружают нефть с танкеров на нефтеналивные баржи, но не представлял, что это может выглядеть таким образом. Наш танкер шёл в балласте (т.е. без груза), поэтому мы могли пройти каналом от Астрахани до рейда. На всём переходе стояла отличная погода и гладкое море даже в районе штормового Дербента.

Вторая странность – закончилась моя малярия, т.е. прихватил приступ, и я забрался в спасательную шлюпку, отлежался, и всё, больше я с ней не встречался, хотя вроде бы юг наиболее подвержен этой заразе.

Через трое суток ошвартовались у 16-го причала Баку. Начался очередной этап жизни. Получилось так, что на воинскую службу мы попали, минуя военкомат и призывной пункт.

Курсант

Первое, что запомнилось в Баку, это баня. Выдали такое подобие мыла, что оно осталось всё в волосах и пришлось его извлекать механическим путём. Затем нас завели в какой-то двор и сказали, что это и есть конец нашего маршрута. Оказалось, что мы были не первыми. Здесь находились уже одесситы, прибывшие из Средней Азии, где они были в эвакуации, потом появились москвичи из Ачинска. Кворум, как говорится, собрался. Началось создание Бакинского военно-морского подготовительного училища (БВМПУ).

На очередной проверке, то ли по медицине, то ли по проверке типа экзаменов, пролетел Юрка и ещё десять человек. Их отправили домой, и для них в Горьком открыли 10-й класс. А я остался, и началась, как в книжках описывали, – бурса. Для начала у меня стащили посылку, которую я должен был передать в Баку, а затем и часы, которые мне специально купила и подарила мать.

Здание было большое, но не приспособлено для занятий, поэтому мы что-то ломали, что-то делали – приспособляли. Казарма была в другом месте, и её тоже надо было оборудовать, т.е. обустроить кровати. Поскольку на голом месте организовать полноценный учебный процесс непросто и это требует определённого времени, нас, чтобы не мешались, направили на практику. Сформировали во взводы – они же и классы, и разослали кого куда.

Первоначально наш класс попал на парусную шхуну ПШ-1, таких было три. Командиром у нас и всей этой тройцы был младший лейтенант Коваленко. Стояли мы на рейде Зыха. Это там, где находилось Каспийское высшее военно-морское училище, в котором придётся пробыть четыре года. Пробыли мы на ПШ недолго, главное, чем занимались, это драили медяшку, палубу кирпичиком с песочком, а планширь стёклышком. На дежурной шлюпке ходили за водой. Вот тут и пригодились уроки лагерей в спецшколе. Оказалось, что, как ходить под парусом, никто, кроме меня, не знал (москвичи были). Единожды всей «эскадрой», обозначив поход, прошлись по рейду.

Впоследствии как-то раз пришлось быть на парусно-моторной 2-мачтовой шхуне «Бейдевинд» (финской постройки), и запомнилась она мне тем, что, когда нужно было поворачивать, командир (а он не умел управлять парусами) командовал: «Охапкин, заводи мотор, поворачивать будем». Охапкин запускал балиндер, и шхуна поворачивала, а паруса полоскались сами по себе. Вот фамилию командира не помню, а моториста – врезалась.

После пребывания на ПШ отправили нас в лагерь. Это было чистилище. Почти пустыня, а в пустыне бараки (говорили, что это были лагерь заключённых). В целом бараке был штаб. В бараках нет окон, т.е. без стёкол рамы. Никаких коек, матрац на полу и одеяло, в которое заворачивались, иначе за ночь занесёт песком. Подъём в пять часов и под звёздами в море – купанье и умывание – всё вместе, и целый день строевые занятия. Солнце жарит и палит, а в кювете сидит ротный и смотрит, как высоко поднимают ногу, ориентир – проволока, натянутая на высоте 30 сантиметров. Перед обедом опять море, перед отбоем 45-минутная строевая прогулка с песнями, а ночью 3–4 тревоги. Не успели за пять минут встать в строй, через полчаса, только глаз закрыл, повтор. В одну из таких тревог в строю прошёл хохот. Оказалось, в спешке Азарий Абарбарчук надел брюки задом наперёд. Вот как торопился, чтобы не подвести взвод и не получить очередной тревоги. Иногда в промежутки между тревогами умудрялись делать набег на соседние виноградники. И так целый месяц. Не все выдержали такой нагрузки и ушли – присягой ещё не были связаны.

После лагерей снова в море на учебный корабль «Шаумян» – это как рай. То было торговое судно, мобилизовано, как многие другие. Однотипный «Шаумяну» корабль «Правда». Капитану присвоили воинское звание – и вперёд. На «Шаумяне» в этот раз и позже, будучи уже в высшем училище, пришлось пройти много миль и провести немало времени. В этот раз мы пошли в Иран (как говаривали: курица не птица, Иран не заграница). Потом было несколько походов в Иран за грузами, поступающими по ленд-лизу от американцев. Этот транзит давал и нам многое из продуктов и даже из обмундирования. На втором курсе КВВМУ нам пошили суконки и брюки из английского сукна. Товар был добротный до такой степени, что при выпуске из Каспийки, как мы называли высшее училище, шмутки забрали ребята с младших курсов, которым такая лафа уже не светила. Офицерское обмундирование тоже шили в ателье из английского материала. Хотя я уже выше говорил, что курица не птица, но все же первый раз в загранике.

Самый большой порт и город – это Пехливи (по имени шахской династии). Всё было как не у нас: магазины открыты, продавцов нет, крикнешь, появится. Многие знали русский, выходцев из Азербайджана много было. Сошли с корабля. По дороге в город стоит табачная лавка, пачка сигарет один туман, обратно идём – уже полтора. Ещё перед выходом знатоки говорили, что нужно брать олово – выгодное дело. Килограмм олова – часы из американского золота (так в то время назывался анодированный металл.) Но у нас не было ни олова, ни иранских денег, а три реала, что нам дали, – это ничто. Кадровая команда покупала рис. У них был отлаженный конвейер купли-продажи.

Но вот закончилась наша предстартовая подготовка, и началась самая обычная учёба с некоторым разнообразием в виде разных воинских представлений, которые сохранились и до сей поры (по телевизору иногда показывают, когда про армию что-то хотят сказать).

1 января 1944 года приняли военную присягу. С этого момента вся деятельность подчинялась воинским законам со всеми вытекающими последствиями, но по расплыву писаря всем, кто учился в КВВМУ, службу числят с 30 июля, т.е. с момента зачисления в Высшее училище. Выходит, мы семь месяцев ходили в дезертирах. Правда, это сейчас уже не имеет значения, если только ради справедливости.

Самое большое мероприятие вне классной учёбы было строительство бассейна в училищном парке. Чтобы строительство велось, невзирая на классные занятия, за малейшее нарушение щедро раздавались наряды на работу. Так или иначе, но бассейн был сделан. Руководил всем этим мичман Дикой – феномен, проплывал 25 метров, т.е. бассейн, со связанными руками.

В первом же увольнении с Генкой Устиновым (земляк) налетели на патруль за не отдавание чести, результат – месяц без увольнения, правда, мы с ним нашли одну лазейку в парке, где можно было в самоволку сбежать.

Так прошёл год, наступила пора экзаменов. На календаре июль, температура тридцать с лишним, мозги плавятся. Было два варианта укрыться от этого пекла: забраться в пустующий класс и раздеться до трусов или периодически падать в бассейн.

Но вот экзамены сданы, построение и объявлен приказ об окончании подготовительного отделения и зачислении в высшие училища, кого во Фрунзе, кого в Дзержинку (инженерное училище), а кого в Каспийку. По какому принципу делили, не ясно, вот только в Дзержинку спрашивали желание. Приказ зачитали, и в тот же день и в тот же час пешим переходом, а это где-то километров пятнадцать, прибыли в Каспийское высшее военно-морское училище (КВВМУ), в обиходе – Каспийка. Прибыли мы ночью, а поутру построили на плацу для встречи с начальником училища. Было это 31 июля

1944-го. Начальником тогда был контр-адмирал Сухиашвили. Баку, как известно, город ветров, так вот, этот ветер и сорвал несколько бескозырок, Сухи (как его для краткости называли) взял бескозырки этих неудачников, растянул их на коленке и нахлобучил их до ушей, сказав: «Вот так надо носить».

Прошёл год, как мы оставили родные места и родных. Хотелось домой, а отпуск был не положен. Надо было искать выход, и он нашёлся – телеграмма – и о чём? – о том, что мать больна. Начальство знало, что это липа, но они же тоже люди. Добраться до Горького, да ещё в войну, – это была проблема. Приходилось ехать в тамбурах и даже на сцеплениях, о билетах ведь и говорить нечего. И всё это из-за нескольких дней.

Первые два курса, с точки зрения учёбы, как и везде, были скучными, т.е. в основном общеобразовательные предметы, а вот третий и четвёртый – спецпредметы и марксизм-ленинизм. Говорили, что это главный предмет, без которого не выйти в торпедную атаку. Это означало, что я в отличниках не состоял. Это не дань современной моде – всё, что было, ругать и строить из себя демократа. Нет, я действительно не мог много понять, поэтому не любил эту науку во всех её проявлениях.

День за днём сменялись, как в хорошо отлаженном механизме: подъём, физзарядка (форма одежды: трусы, ботинки в любую погоду, зимой и летом), приём пищи – 125 человек за одним столом (сесть по сигналу, встать по сигналу, успел не успел, доедать не дадут. До сих пор сохранилась привычка быстро есть), классные занятия, самоподготовка, отбой. На последних курсах, с момента закрепления в сборной училища по бегу, моя физзарядка состояла в пятикилометровой пробежке. В субботу и в воскресенье увольнение. На Зыхе (так называлось место расположения училища) делать было нечего, т.к. это был военный городок из жилых домов обслуживающего персонала и преподавателей, поэтому ехали в Баку, в город. До города было примерно 15 километров. Естественно, этот путь пешим ходом преодолевался только в экстремальных условиях. Так было 23 февраля (год не помню), когда прошёл мокрый снег и затем всё обледенело, а для южных городов это бедствие, ну, транспорт и встал на прикол.

Так вот, чтобы попасть в город, нужно было перехватить машину (бортовую, естественно). Делалось это так: по обе стороны дороги выстраивались товарищи курсанты и в районе поворота, когда машина сбавляла скорость, вся эта шайка бросалась на неё – один толчок, и ты в кузове «Студебекера». Высший пилотаж – это посадка с колеса. Спроси сейчас, как это можно было сделать, сказал бы, что это невозможно. Главная забота при этом – не потерять палаш, который мог вылететь из ножен, и тогда надо было начинать всё сначала. Правда, к концу 3-го курса, когда мы уже несколько пообнаглели, палаша после построения и получения увольнительной ставили обратно в пирамиду. Однажды начальник курса зашёл в роту, а там только дежурная служба, и спрашивает: «Сколько курсантов в увольнении?» Дежурный бодро отвечает: «Так что все, кроме службы». – «Не похоже», – сказал, поглядев на пирамиду, и молча ушёл.

При возвращении из города было проще. Мы делали баррикаду из подручного материала, и ни одна машина не могла проехать, пока не набьётся полный кузов. На поворотах, чтобы случайно кто не выпал, подавалась команда: «Крен на правую» или «Крен на левую». Шофера про нас все знали и даже не сопротивлялись.

Одно время в училище были организованы курсы по подготовке командиров малых кораблей из старшин и мичманов, прошедших войну. Это были отчаянные ребята. При очередном возвращении из увольнения они захватили трамвай (сам в нём ехал). Вожатый вышел из вагона, так как не хотел ехать в сторону Зыха. Был брошен клич: «Кто может вести трамвай?» Такой умелец нашёлся, и, не переводя дугу (путь был однопутный), трамвай, под фейерверк искр, двинулся в путь. За ним, размахивая руками, бежал водитель трамвая. На следующий день привезли водителя на опознание злоумышленников, но, конечно же, он их не обнаружил – или побоялся опознать, или в униформе все одинаковы. Была среди этих курсантов легендарная личность – мичман Сосна, действительно, могучий как сосна, и звали его меж собой – «мичман-сосна, голова-дубина». Так вот, он на выпускных экзаменах по прокладке (это предмет навигации) стёр с карты остров, так как он ему «помешал».

Желанию пойти в увольнение не мешали ни марш-броски на 30 километров, ни переходы в Баку на парады по случаю. Парады – это красиво всегда, и особенно когда шли курсанты квадратом 10 × 10 с винтовками наперевес и примкнутыми штыками, как капелевская психическая атака в к/ф «Чапаев». Правда, мало кто знал, как эти парады нам доставались. За месяц до парада каждый день после занятий по часу строевая подготовка. За неделю – ночью генеральная репетиция в Баку. В день парада подъём в четыре утра, переход в город (это 15 км) по ефрейторскому варианту, т.е. каждый начальник

берёт себе временной запас, а, как результат, приходили минимум за час-полтора до начала парада, 10 минут показа и обратно на Зых. Таких пародов на моём счету минимум девять. Однако энергии и сил хватало, чтобы после этого идти в увольнение. Но вот в планомерный ритм жизни довольно часто вклинивалось такое мероприятие, как карантин, а это значило – запрет увольнению во благо здоровья курсантов. В это время начиналось брожение умов. Кто на пари бегал вокруг плаца, а это 400 метров, в экзотическом наряде типа набедренной повязки из полотенца, а легендарная личность Азарий Абарбарчук за килограмм печенья простоял 40 минут под холодным душем.

По стечению обстоятельств, карантины по времени совпадали со спортивными мероприятиями в городском масштабе, и нам поэтому удавалось всё же бывать в городе на так называемых прикидках по трассе соревнований (знакомились со своим этапом). Мои этапы почему-то всегда были с подъёмами, а посему была кличка – горный егерь.

В 1948 году мы выиграли городскую эстафету «30 лет Советской Армии», и, что характерно, опять был карантин. После вручения кубка, поскольку мы были бегуны, мы и разбежались, несмотря на призыв физрука возвращаться в училище. И вообще, курсанты – народ не хлипкий. В Баку держали первенство по боксу, штанге, борьбе, фехтованию и бегу. Мой вид спорта был бег. Каждое утро в любую погоду во время зарядки пробегал 4–5 километров. Бегал как на училищных соревнованиях, так и городских – эстафете «За нефть и хлопок» и кроссе имени Багирова 3000, – завоевав место не призовое, но четвёртое.

С окончанием классовых занятий и извечных экзаменов наступал период летней практики (июнь – июль), затем отпуск. Правда, после первого курса отпуск не полагался, и нас отправили на отдых, на Северный Апшерон. Жили в помещении школы. Рядом море. На Каспии (без нефти) вода приятного, в отличие от Чёрного моря, лазурного цвета, особенно вдаль от берегов, когда под килем сотни метров. После первого курса проходили штурманскую практику на Каспии на учебном корабле «Шаумян». Утром снимались с якоря, день ходили и снова на якорь в устье Куры, где оставляли шлюпку для ловли сомов. А однажды попался осётр. Он был таких размеров, что пришлось тащить на буксире, т. к. не могли поднять в шлюпку. На палубу корабля его поднимали трап-балкой. Старпом похвастался своим искусством по разделке рыбы, но после удара хвостом по ногам покатился по мокрой палубе и больше желания по разделке не изъявлял.

Суть составляющих штурманского дела – это навигация и астрономия. Кафедра астрономии – кафедра чудачков (Тархов, Морозов и Толкачёв), влюблённых в свой предмет, иначе как можно объяснить, когда, рассказывая о суточном движении Солнца, преподаватель в чине капитана 3 ранга прятался под стол, затем, медленно выползая из-под стола и описав головой дугу, вновь скрывался за столом. А если учесть, что он был ещё и с лысиной, то эффект был потрясающий. Или, начертив круг на доске, отходил к дальней стене класса, бросал мелом в этот круг без промаха и говорил: «А вот это, товарищи курсанты, есть сфера небесная». После таких примеров невозможно забыть суть астрономии. Занудная часть астрономии того времени – это определение своего места в Мировом океане по светилам. Для этого нужно было знать звёздное небо, т. е. названия созвездий и звёзд первой величины. При помощи секстанта взять (определить) высоту светила, а это дело тонкое, чуть неточно определил, и ты как бы оказался не там, где ты есть. После этого нужно произвести массу арифметических расчётов на два листа, и называлась вся эта арифметика «жучки», потому как из 10 расчётов 8 неверных, а калькуляторов в то время не было. Курсанты – народ не только умный, но ещё и ленивый. Поэтому, не выходя на верхнюю палубу и не пытаясь, как мы говорили, поймать мартышку, т. е. взять высоту, не вставая с места, производили все расчёты «задним» ходом, но при этом сама высота была уже не нужна, а поэтому этот столбик и забывали заполнить. В таких случаях получали резолюцию типа: очень хорошо соображаешь – двойка.

Из афоризмов этой троицы это определение приборки. Для ясности – ежедневно на кораблях проводится три приборки – утром, перед обедом и вечером перед ужином – по 30 минут каждая. В субботу проводится так называемая большая приборка с утра и до обеда. Так вот, по определению Морозова, большая приборка отличается от малой более интенсивным размазыванием грязи. На крейсере «Красный Кавказ» (Черноморского флота) по правому шкафуту на палубе отходила одна доска, и во время мокрой приборки под неё затекала вода, и выбрать эту воду под сухую было невозможно. Зная это, помощник, капитан-лейтенант в ту пору, Юдин обязательно наступал на эту доску и, естественно, из-под неё вылетали брызги, чему он был очень рад, так как можно было устроить разнос прибор-

щикам, т. е. курсантам, поскольку мы были в роли матросов. Для чего это нужно было курсантам, без пяти минут офицерам? А вот что пишет Л. Соболев в книге «Капитальный ремонт»: «Швабра – это великая вещь. На ней да на чистоте весь флот стоит! Неужели ты думаешь (это обращение старшего брата к младшему), что тебя всерьёз три года учат медяшку драить? Подумаешь, какие интегралы! Не в том тут сила: тебя с отроческих лет приучают делать вещи, весь смысл коих заключается в их бессмысленности» и далее: «...ведь бессмысленно драить медяшку, когда висит туча и через полчаса пойдёт дождь». Но мы прошли эту школу, и, думаю, не напрасно. После 2-го и 3-го курсов практику проходили на Черноморском флоте на крейсерах «Красный Кавказ», «Красный Крым», «Молотов». После этих монстров, где лейтенантов что матросов, служба на них меня не прельщала, что, возможно, и предопределило моё желание пойти в подводный флот.

Путь до Севастополя был не близок, но интересен. Впервые выезжая из Баку на Тбилиси, кто-то сказал, что в Тбилиси дорогая соль, а в Баладжарах под Баку дешёвка, по факту оказалось липа, – бизнес прогорел. Запомнился Тбилиси своим базаром и гостеприимством. Так, шли по главной улице Шота Руставели, вдруг из подвалчика вылетает грузин, затаскивает нас в погребок и угощает Кахетинским. Это было 3 августа 1946 года, а 4-го по пути в Батуми на Сурамском перевале между селениями Цыпа и Молита при выходе из туннеля пять вагонов, в том числе и наш, завалились. Так железнодорожники отметили свой профессиональный праздник. Завалились мы удачно, потому как с другой стороны была пропасть, а внизу шумела горная речка. Так как была тёмная южная ночь (4 часа), то мы спали, и это, видно, было наше счастье, так как никто не метался и не пытался спастись. Я с третьей полки свалился вниз без всяких последствий. Потом кто как приспособился, и так доспали до утра. Дождь прошёл, взошло солнце – и всё прекрасно. Перешли в другие вагоны – и в Батуми, а Батуми – это субтропики: пальмы, бамбук, море и медузы. Через три дня на т/х «Украина» (по тем временам отличный лайнер) отправились по пути Сухуми – Новороссийск – Ялта – Севастополь. После «Украины» крейсер не показался. Севастополь, как у Жванецкого: «Израиль – это песок, пальмы и сплошные евреи», так и Севастополь – это море, белый камень и сплошные моряки, в том числе и в бронзе.

Второй заход на Чёрное море был более прозаичен. Вместо спального вагона – теплушка, вместо Батуми – лагерь в горах Потти, вместо лайнера – учебный корабль «Волга» с испанскими тараканами. Почему испанскими? Да потому, что это было испанское судно, оказавшееся в наших водах и интернированное в период гражданской войны в Испании. Практика на Чёрном море приходилась на праздник Дня Военно-Морского Флота, а посему устраивались разного рода мероприятия, как то: массовый заплыв с кораблей на Графскую пристань. Возглавлял эту плывущую толпу огромный портрет Сталина. После одного из таких представлений пошли на крейсерские шлюпочные гонки. Это многочасовая гонка на 30 миль. Дистанцию можно было проходить в любом варианте, т. е. можно на вёслах, можно под парусом или в комбинации: весла, паруса. Всё ничего, но мы в спешке забыли на стенке анкерок с пресной водой. По программе практики нужно было провести подрывные работы, и мы отправились в Стрелецкую бухту, долго искали объект «диверсии», и попалась нам оставшаяся со времён войны (год был 46-й) артиллерийская позиция с солидным количеством снарядов. Вот мы их складывали горкой, подкладывали шашку в 200 грамм тротила, бикфордов шнур – и взрыв. Часть снарядов взрывалась, часть разлеталась, и так до последнего снаряда. Нам это в интерес, а руководителя наказали за неоправданный риск.

Так прошли четыре года, госэкзамены и выпуск. Было это 1 июля 1948 года. Приказ главкома ВМС о присвоении звания «лейтенант», вручение диплома и кортика – атрибута флотского офицера. Второй приказ о распределении по флотам, в основном с учётом пожелания. Я записывался на Северный флот на подводные лодки. Почему? Право, не знаю. Очевидно, потому что на подводных лодках никогда не был, да и негативные воспоминания о крейсерах, а Север – это просто загадочно. Вот с этой загадочностью и прослужил на нём 33 года до самого увольнения. Поскольку в училище о подводном флоте не преподавали, то вначале предписано было прибыть (после отпуска) в Ленинград, в учебный отряд подводного плавания.

И вот я впервые в Ленинграде: привокзальная площадь, Невский проспект и вдали Адмиралтейский шпиль. За два месяца нас теоретически приобщили к тому, что такое есть подводная лодка. Единжды сводили на подводную лодку типа «Правда», и с этим «багажом» нас и направили по флотам.